

Е.Е. Замыслова

***Н.В. Гоголь и французский историк и политик Франсуа Гизо.
Неожиданные переключки и параллели***

«Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо во Франции» (X, 290) - эта довольно известная гоголевская характеристика С.С.Уварова в письме Н.В. Гоголя А.С. Пушкину от 23 декабря 1833 года подтолкнула нас к поиску возможных причин, которыми могло быть обосновано подобное сравнение главного правительственного идеолога эпохи Николая I Сергея Семеновича Уварова с государственным деятелем эпохи Реставрации во Франции Франсуа Пьером Гийомом Гизо.

Как известно, упомянутое письмо Пушкину Гоголь писал в связи с хлопотами о месте профессора на кафедре всеобщей истории в открывавшемся тогда Киевском университете, куда он мечтал устроиться, чтобы иметь возможность вплотную заняться изучением и написанием истории Малороссии. Для обоснования своего желания в декабре 1833 года начинающий историк решил «вместо словесных представлений набросать <...> мысли и план преподавания на бумагу» (X, 290) и передать их министру через В.А. Жуковского, который хорошо знал Уварова и покровительствовал Гоголю.

В это время Гоголь высоко оценивал деятельность Уварова. Писателю была близка установка министра на усиление оригинального национального начала в отечественной науке: как и Уваров, он с грустью смотрел на то, что «в трудах наших ученых <...> раздаются не переварившиеся европейские мнения, и такими же торчат яркими заплатами их собственные мысли» (VIII, 468).

Сравнивая Уварова и Гизо, Гоголь подразумевал, видимо, прежде всего, некоторые биографические совпадения. Поскольку в идеологическом отношении в середине 1830-х годов Гизо и Уваров находились по разные стороны баррикад. Николай I его министр выступали против политики

французской буржуазной монархии, установившейся после июльской революции 1830 года. Практически ровесники, Уваров (род. 1786) и Гизо (род. 1787) к началу 1830-х годов прошли серьезную школу государственной службы, почти одновременно (в 1832 году - Гизо, а в 1833 – Уваров) были назначены министрами народного просвещения. Можно предположить, что упоминание «сделанного» Гизо в контексте размышлений о перспективах деятельности Уварова связано с надеждой Гоголя на то, что русский министр последует примеру своего французского коллеги, который с июня 1833 года успешно проводил реформу начального образования, вошедшую в историю Франции как «закон Гизо». Ведь неудовлетворительное состояние начального образования в России волновало начинающего преподавателя Гоголя. Об этом он, например, писал в опубликованной в «Литературной газете» в 1831 году статье «Несколько слов о преподавании детям географии».

Менее вероятно, что высказывание Гоголя было вызвано надеждой на то, что Уваров со своим «Журналом министерства народного просвещения» (далее ЖМНП), который он возобновил после пятилетнего перерыва, как только занял министерский пост, превзойдет журнальный опыт французского министра народного просвещения. Вообще едва ли стоит связывать два этих начинания, как это делает А.Зорин в книге «Кормя двуглавого орла...». Исследователь предполагает, что при разработке программы ведомственного журнала Уваров ориентировался на пример издававшихся в 1811-1813 годах Гизо «Анналов образования» («*Annales de l'éducation*»), где излагались взгляды издателя на создание «национальной образовательной системы»¹. Знакомство с французским изданием, его программой и реальным содержанием номеров не позволяет согласиться с предположениями Зорина об ориентации Уварова на печатный орган Гизо.

Во-первых, «*Annales de l'éducation*» - это сборник, в отличие от журнала министерства народного просвещения, выходившего ежемесячно и имевшего

довольно четкую внутреннюю структуру и стремление быть «летописью» жизни министерства и — шире — хода образовательного просвещения в стране. Сборником (recueil) называл «Annales de l'éducation» и сам Гизо². В общей сложности с 1811 по 1813 год вышло всего 6 выпусков. Программа «Анналов образования» гораздо уже уваровской программы ЖМНП. Это сборник статей о фундаментальных принципах, подчеркнем, **детского** домашнего и начального школьного образования, как определяет тематику издания сам Гизо во вступительной статье первого выпуска «Annales de l'éducation»³. Если Уваров в относительно спокойные для России 1830-е годы считал необходимым дать новое направление российскому образованию и посредством этого идейной атмосфере в стране, то Гизо в готовящейся к войне и воюющей Франции начала 1810-ых годов ставил перед собой гораздо менее амбициозные цели.

Издательская деятельность Гизо не ограничивалась работой над «Анналами образования». Позднее, в 1824 году он основал газету «Глоб» («Le Globe»), а в 1827 году стал руководителем «Ревю Франсез» («La Revue française»). Статьи этих изданий были посвящены проблемам истории, философии, литературы. В них-то как раз, быть может, Уваров, будучи хорошо знакомым с европейской периодикой 1820-ых годов, и черпал вдохновение, преобразовывая ЖМНП в 1833 году. Вспоминая о своей работе издателя, Гизо пишет в мемуарах: «Мы ставили себе целью вернуть новое французское общество к принципа более чистым, к чувствам более возвышенным и более взвешенным, к основам более прочным»⁴.

Уваров, получив министерский пост, ставил себе похожие цели и во многом, как выясняется, перенял методы Гизо. Последний, в частности, размышлял в трактате «О современном состоянии народного образования» в 1816 году: «Когда люди с детства научатся понимать фундаментальные законы своей родины и уважать своего суверена, суверен и законы станут для них чем-то личным и дорогим и они больше не откажутся от обязанностей, которые те

им навязывают»⁵. Гизо открыто призывал правительство пропагандировать необходимые власти доктрины под защитой народного образования и при помощи религии, морали, политики. Так и уваровский журнал призван был отражать позицию министра по важнейшим и очень трудным для него и всей России вопросам: «Как учредить у нас воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое Европейского духа?»⁶.

Напрашивается и другая версия появления гоголевской характеристики Уварова через сравнение с Гизо. Нельзя исключить того, что молодой Гоголь мог в письме Пушкину лишь повторить услышанную от кого-то емкую характеристику, требующую, очевидно, глубокого знакомства с творчеством и биографией французского историка и политика. Большим почитателем последнего был, например, Жуковский. Во время пребывания в Париже в мае 1827 года Жуковский не просто сблизился с Гизо, беседовал с ним о французских мемуарах, политических партиях⁷, но и пытался глубже проникнуть в его историческую концепцию. Интерес этот выразился в чтении «Истории цивилизации в Европе» Гизо в 1828-1829 годах, о чем свидетельствуют материалы библиотеки поэта. Не исключено, что Жуковский мог в устном разговоре с Гоголем сравнить назначенного министром народного просвещения Уварова, с которым близко был знаком еще со времен «Арзамаса», с его французским коллегой. Так или иначе, гоголевские сравнение Уварова и Гизо, действительно, очень метко указывает на сходство этих двух политических деятелей начала XIX века.

В какой же степени Гоголю 1830-х годов были знакомы исторические работы Гизо? В результате сравнения гоголевских исторических статей, опубликованных в 1834 в ЖМНП, и книги Гизо «История цивилизации в Европе», вышедшей во Франции в 1828 году, мне удалось выявить любопытные переклички в работах тогда еще молодого, начинающего историка Гоголя и

одного из ярчайших представителей французской романтической историографии первой половины XIX века, прославившегося в 1830-е годы во всей Европе.

Сделанные мною подсчеты выявили, что в 1834 году в ЖМНП, куда пришел Гоголь, в общей сложности были опубликованы 21 статья по истории и только 8 по филологии и 6 по естественным наукам. Такое повышенное внимание к истории отражало общую тенденцию времени.

Особый интерес к изучению истории и отношение к ее преподаванию как «делу государственному»⁸ объединяет публикации Гоголя и Погодина в ЖМНП. В мае 1834 года Уваров дает Гоголю «тему для статьи в журнал» (X, 317) -- «О Средних веках». А еще с марта 1834 года Погодин начал публиковать в ЖМНП отрывки из сорбоннского курса Гизо по истории европейской цивилизации (первые 11 лекций)⁹. Эти журнальные публикации реализовали весьма полезную затею предоставить материалы для преподавателей и «руководства» для студентов в условиях, когда «ученая русская литература очень бедна», а иностранные книги «дороги, редки и часто недоступны» для аудитории, еще и по незнанию языков. Проект осуществлялся под эгидой министра, который не только живо интересовался ходом работы, но и давал ей определенное направление, рекомендовал литературу для переводов¹⁰.

Однако идея начать с Гизо принадлежит, скорее всего, именно Погодину, высоко ценившему французского историка, несмотря на неприятие его как политического деятеля. По мнению Погодина, «со светильником Гизо <...> удобно теперь рассматривать всякую Историю»¹¹. Признавая авторитет Гизо в науке, Погодин тем не менее допускал достаточно вольное обращение с текстами французского историка. Он начинает «битву» с Гизо заочно на страницах ЖМНП, по-своему комментируя его тексты и расставляя акценты.

В статьях же и письмах Гоголя не содержится свидетельств об идейно-

политических или исторических расхождений с Гизо. Для Гоголя Гизо – историк, «развивший очень много нового в отношении к феодальным временам Франции и в отношении ко всей средней истории в двух сочинениях: *Histoire de la civilisation de France* и *Essais sur l'histoire de France* (IX, 103), и, прежде всего, «относительно первоначальных стихий гражданственности средних веков и политической организации их» (IX, 102).

Гоголь явно разделял точку зрения коллег-историков на необходимость знакомиться самому и знакомить студентов со взглядами современных европейских ученых. Он включил Гизо в свою <Библиографию средних веков>, составленную писателем во время преподавания в Петербургском университете в 1834 году (IX, 104), и затем, позднее, в подготовленный предположительно в 1848 году <Перечень авторов и книг> (IX, 493). Закономерно поэтому, что писатель активно интересовался ходом переводов исторических трудов французского историка в России. «Непонятно, отчего у нас переводчики из множества оригинальных сочинений выбирают именно худшее. У нас не переведены до сих пор Гизо (имеется в виду в полном объеме – Е.З.), Тиери, Гюльман и проч.», - сетовал он уже в 1836 году на страницах пушкинского «Современника» в рецензии на вышедший тогда перевод «Истории средних веков, составленной берлинским профессором Циммерманом»¹².

Сопоставительный анализ статьи Гоголя «О Средних веках», его набросков по данной теме в ходе занятий Всеобщей историей в 1833-1835 годах, опубликованных Погодиным в ЖМНП переводов лекций Гизо и оригинальных текстов французского историка выявляет любопытную систему перекличек идей и формулировок трех историков.

Ключевое суждение Гоголя, что средние века есть «зародыш» нового времени (VIII, 14), явно совпадают с суждением Гизо, который называет, правда, конкретно XV век «семенем нового порядка вещей в Европе»¹³.

Важнейшей мыслью Гизо, объединяющей все его исторические труды,

была «идея прогресса»: «Идея прогресса, развития кажется мне основой идеи цивилизации»¹⁴. В своей статье Гоголь подхватывает идею прогресса и почти дословно воспроизводит оборот Гизо «быстрый прогрессивный ход» - «plus rapide progrès», но в несколько ином контексте. Гизо употребляет его в отношении общего исторического развития: «Общество как будто готовится наслаждаться лучшим порядком, среди более **быстрого прогресса**»¹⁵. А Гоголь использует его в характеристике опять же средних веков: «Все, что мы имеем <...>, знания, совершившие такой **быстрый прогрессивный ход** (Выделение везде мое – Е.З.), - все это <...> развилось и образовалось в <...> Средние Века» (VIII, 14) Погодин же в своем переводе вообще заменяет «прогресс» на более нейтральные в русскоязычной практике «успех», «развитие», а «цивилизацию» на «гражданское образование»¹⁶: «Идея успеха, развития, кажется, есть основная идея, заключающаяся в слове: гражданское образование»¹⁷. Погодин, в духе официального консерватизма, проповедуемого Уваровым, нивелирует у Гизо либерально-просветительскую идею прогресса. Гоголь также избегает понятия «цивилизация», но все же, представляется, менее Погодина скован консервативными узами.

Как и для Гизо, ключевой фигурой в историческом эскизе средних веков для Гоголя является Папа («вся средняя история есть история папы» (VIII, 17)). При этом деятельность Пап по-разному оценивается Гоголем в различных выступлениях.

Заметки писателя для его <Программы университетских лекций по истории Средних веков> в 1834 году и наброски <Обозрения Всеобщей истории> из Записной книги писателя 1835 года свидетельствуют о том, что отношение Гоголя к безграничной власти Пап и спровоцированным ими Крестовым походам было резко отрицательным. В описании Третьего периода истории Средних веков (от Крестовых походов до открытия Америки, 1095-1492) подчеркивалось, что папство наложило «оковы духовного деспотизма» на

европейское общество, подавляло пытливість европейского духа, инквизиция готова была истребить зарождающуюся науку. Гоголь писал: «Эти первосвященники возводили на трон Королей и лишали их его по своему произволу; предписывали законы Западным Христианам, как они должны были мыслить и чему веровать; гнали и угнетали почти все, что противилось присвоенной ими власти»¹⁸. «Папы основали и устроили <...> могущественное духовное государство, имеющее <...> влияние на политические дела Европы, - заключает Гоголь. - Если оно и принесло для Европы случайные выгоды, то несравненно более принесло и вред во многих отношениях к Христианам»¹⁹.

Такие высказывания Гоголя во многом перекликаются с мнением Гизо, который считал, что «с точки зрения политической» влияние церкви не было «положительным»²⁰. Свои сомнения французский историк связывал с основами деятельности Церкви как социального института: «отрицание прав личного разума, притязание на передачу верований сверху вниз во все религиозное общество, без предоставления кому бы то ни было права самостоятельной оценки их» и «право принуждения, присвоенное себе церковью, право, противоречащее самому свойству религиозного общества»²¹.

Однако публичная оценка папства Гоголем, заявленная на страницах ЖМНП, заметно отличается от зафиксированной в процитированных выше черновых набросках. «Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота» (VIII, 17), - сразу же предупреждает автор о нравственной неоднозначности рассматриваемого им явления. Но далее в его рассуждениях планомерно доказывается историческая необходимость деятельности папства в Европе в Средние века, провиденциальный смысл совершавшегося в истории: «Не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы – и Европа рассыпалась бы» (VIII, 17). Автор ни слова не говорит о трагических последствиях деспотизма, описанных в неопубликованных набросках, за исключением ужасов инквизиции, и оценивает

роль папства в целом в позитивном ключе: «Власть Папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими» (VIII, 17-18).

Думается, не случайно на страницах журнала, пропагандирующего официальную идеологию, основанную на триаде «Православие-Самодержавие-Народность», появляется подобная презентация жесткой деспотической власти средневековой Церкви, которая в целом оправдывается как некая цементирующая сила, помогающая государствам и народам «сохранить равновесие» (VIII,17) и единство. Вероятно, подготавливая статью о Средних веках по заказу Уварова, Гоголь несколько сместил акценты в своих размышлениях о папстве, определенным образом согласовывая их с теорией «официальной народности», ключевой идеей которой была идея о благотворности и обязательности руководящей, объединяющей, умиряющей роли религии в обществе. Таким образом, Гоголь не просто делал своего рода реверанс в сторону министра, но и придавал своей статье дополнительный оттенок актуальности, публицистичности.

Оправдывая папскую власть, Гоголь выступил единомышленником Погодина, который в своем журнальном переводе из Гизо так же корректирует выводы последнего относительно папства, вовсе опуская его критику. Зато в духе идеализации Средних веков, отнюдь не близкой Гизо, подчеркивается «преимущество духовного и религиозного начала <...> во всех явлениях гражданских обществ того времени»²²: «Церковь основала нравственное убеждение, внушила мысль о верховном Божьем законе, положила различие между властями духовною и светскою, и соединила мир Римский с варварским»²³.

Итак, выявленные переключки в суждениях Гоголя и Гизо лишний раз подтверждают, что молодой начинающий историк Гоголь, во-первых, был

хорошо осведомлен о последних достижениях европейской исторической науки, а во-вторых, уже в первой половине 1830-ых годов формировал свое, часто независимое суждение относительно тех или иных периодов всеобщей истории.

¹ *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII -первой трети XIX века, М., 2004. С.347-348.

² *Guizot F.* Réflexions générales sur l'Education et sur l'esprit dans lequel cet ouvrage a été composé // *Annales de l'éducation.* Paris. 1813. Т.6. Р.324.

³ *Guizot F.* De l'éducation en général, et des difficultés qu'elle présente aujourd'hui // *Annales de l'éducation.* Paris. 1811. Т.1. Р.18 (Здесь и далее перевод наш - Е.З.).

⁴ *Guizot. F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, Paris, 1858. Т.1. Р.323.

⁵ *Guizot F.* Essai sur l'histoire et sur l'état actuel de l'instruction publique (1816) // *Journal officiel de l'instruction publique.* 1833. №21. Р.83.

⁶ Уваров С.С. Доклад Государю 19 ноября 1833 года «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» // *Река времени,* М., 1995. Кн.1. С.70.

⁷ *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т.13. М., 2004. С.260, 262, 265.

⁸ *Уваров С.С.* О Преподавании истории относительно к народному воспитанию, СПб., 1813. С.2.

⁹ Лекции Гизо были опубликованы отдельной книгой во Франции в 1828 году: *Guizot F.* Histoire de la civilisation en Europe. Paris, 1828. В ЖМНП в 1834 году сначала выходит «Первая лекция Г-на Гизо из читанного им курса Истории Европейского Гражданского образования» (№3), в следующем номере, «Очерк Европейской Истории в Средние Века, по Гизо».

¹⁰ См. об этом: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина, СПб., 1890. Т.4. С.139-140.

¹¹ Там же. С.255.

¹² *Современник.* 1836. Т.1. С.302.

¹³ *Погодин М.П.* Очерк европейской истории в средние века. По Гизо // ЖМНП. 1834. №4. С.104.

¹⁴ *Гизо Ф.* Истории цивилизации в Европе, СПб., 1892. С.9.

¹⁵ Там же. С.207.

¹⁶ О различиях названных текстов Погодина и Гизо см. подробнее: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII - первой трети XIX века, М., 2004. С.349-350.

¹⁷ Первая лекция господина Гизо из читаемого им курса Истории Европейской Гражданского образования // ЖМНП. 1834. №3. С.438.

¹⁸ *Неизданный Гоголь,* М., 2001. С.74.

¹⁹ Там же. С.57.

²⁰ *Гизо Ф.* Истории цивилизации в Европе, СПб., 1892. С.112.

²¹ Там же. С.91.

²² *Погодин М.П.* Очерк европейской истории в средние века. По Гизо // ЖМНП, 1834 №4. С.98.

²³ Там же. С.94.